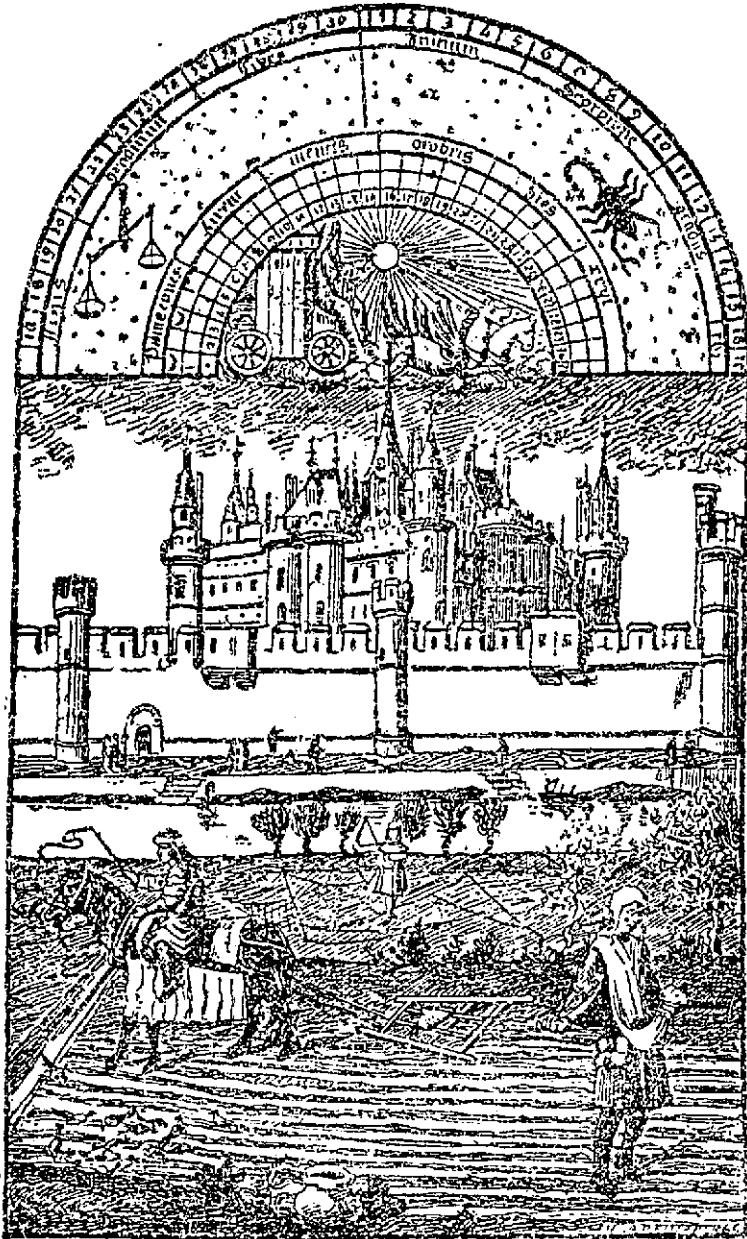

ВѢСЫ © СЕНТЯБРЬ © 1909
La Balance. Septembre. 1909

Годъ изданія шестой. Sixième année.

Книгоиздательство «СКОРПИОНЪ»
Москва, Геатральная пл., д. Метрополь, кв. 23.
Moscou, Place du Théâtre, m. Métropole, 23.

II.

Когда мы произносимъ слово „колдунъ“, то выражаемъ имъ наибольшую степень своего испуга... Передъ человѣкомъ-ли, передъ событiемъ-ли. „Здѣсь колдовство“,—этимъ мы говоримъ:

— Я испуганъ и не пойду сюда. Я боюсь этого мѣста.

При этомъ самый испугъ — безотчетенъ и такъ великъ, что переходитъ въ ужасъ, въ судорогу, въ скованность членовъ.

— Ни за что не пойду сюда! Лучше умру!

Умереть легче, чѣмъ вмѣстить въ душу этотъ ужасъ. „Колдовство“—на грани съ безумьемъ. „Если я переступлю за магическую черту, то съ-ума сойду: а тотъ, кто по ту сторону ея — онъ колдунъ, и не сошелъ съ ума потому, что ничего общаго съ человѣкомъ не имѣетъ“.

„Колдунъ не человѣкъ. Его надо убить“.

Одинъ на одинъ — страшно: но народомъ, площадью, улицею „убить“—хорошо, это можно. Такъ и поступали въ Европѣ.

„Колдуновъ всѣхъ надо убивать. Съ ними ни говорить нечего, ни передѣлывать ихъ. Колдуна нельзя передѣлать. Онъ—силенъ, сильнѣй каждаго человѣка. Но улицей, навалившись, — можно убить и колдуна. Такъ и надо“.

Вотъ исторiя „колдовства въ Европѣ“. Народы, совѣсть, все—пятились передъ нимъ, съ ужасомъ, злобой, невыразимымъ испугомъ, выставивъ впередъ топоры и огонь. „Зарубить или сжечь“. И особенно „не разговаривать, не вступать въ бесѣды“. Колдунъ—хитрѣ всякаго, даже всѣхъ хитрѣ, цѣлаго народа. Всѣхъ обманеть, затемнить — и вывернется, уйдетъ, надъ всѣми смѣясь и торжествуя.

Народное воображенiе приурочило къ „колдуну“ двѣ вещи:

Знанiе.

Силу.

То и другое—чрезмѣрныя!

И—темныя... Впрочемъ, никто этого и не разглядывалъ. „Страшно смотреть. Съ ума сойдешь“.

Поэтому, когда въ „Страшной мести“ Гоголь назвалъ главное дѣйствующее лицо „колдуномъ“, то онъ послѣдовалъ отчасти народному обыкновенiю, отчасти своему собственному испугу: онъ заговорилъ, захотѣлъ рассказать о невѣроятно страшномъ, необыкновенномъ, о „небываемомъ“, и сумму этихъ оттѣнковъ и волненiй и выразилъ въ словѣ „колдунъ“. Тутъ фабула — не при чемъ; суть „дѣла“,—исторiя казаковъ Петро и Ивана,—разъясняющая все, сокращенно изложена имъ въ 8-ми главахъ, по 10 строкъ въ каждой, въ концѣ повѣсти.—„чтобы отдѣлаться и какъ-нибудь закончить“: подобно коротенькимъ, скучающимъ главамъ въ „Воскресенiи“ Толстого, гдѣ онъ „какъ-нибудь“ закончилъ неудачно избранный сюжетъ. Итакъ, ни „Петро и Иванъ“, ни исторiя происхожденiя „колдуна“, его предки и линiя ихъ — не имѣютъ никакого значенiя и выдуманы Гоголемъ Богъ знаетъ для чего. Бурульбашъ и вся малороссiйская обстановка—тоже только аксессуары. Суть—Катерина и ея отецъ, или, точнѣе и строже—только одинъ отецъ, „колдунъ“. Гоголь потянулся къ страшному сюжету, на европейской почвѣ удвоенно, удесятенно страшному—передать, какъ отецъ тянется стать супругомъ собственной дочери.

— У, чуднще!

— У, „колдунъ“...

— Это—„колдовство“...

Т.-е. до того небываемое, неслучающееся, невозможное, до того противорѣчащее всему току европейской цивилизации, всему ея устремленiю,—что у Гоголя, когда подъ черепомъ его свилась эта исторiя, угнѣздилась тамъ,—хватило духу только написать:

—„Колдовство... Не подходите, дѣти“.

Да и „взрослые“ не подходите... „Не надо этого, даже знать объ этомъ не надо“. Не Гоголю ужасно захотѣлось... не то чтобы „узнать“ это: напротивъ, онъ это почему-то зналъ, почему — Богъ его знаетъ, это тайна его души; и ему захотѣлось рассказать объ этомъ, хотя и подъ шутливой формой малороссiйской полу-народной, полудѣтской легенды, выдумки.

„Прочтутъ среди другихъ рассказовъ Пасичника Рудого Панько“.

Какимъ образомъ Гоголь потянулся къ этому сюжету? Всю неизмѣримую важность этого мы поймемъ, обративъ вниманiе, до какой степени Пушкинъ ни въ какомъ случаѣ бы этого не рассказаль; даже услышавъ отъ другого — просто забыль-бы, не заинтересовался-бы. Къ такимъ и подобнымъ сюжетамъ Пушкина не тянуло. Онъ рассказаль графа Нулина; рассказаль въ „Русланъ и Людмилъ“, какъ старецъ Черноморъ „ничего не могъ“,—и посмѣялся. Волокитство, приключенiе и анекдотъ—это формы отношенiя евро-

пейца къ половому акту; или „скука“ въ нормальномъ супружествѣ. Гоголь непостижимымъ образомъ потянулся рассказать... спокойный сюжетъ Библии о Лотѣ и дочеряхъ его, — но, безъ сомнѣнія, не вспомнивъ во время писанія ни разу объ этомъ библейскомъ разсказѣ, иначе не былъ-бы такъ испуганъ. Гоголь вдругъ самъ и оригинально написалъ этотъ древнѣйшій, „допотопный“ случай Библии, одно изъ „колѣнь“ ея, сгибовъ: но когда тамъ сказано объ этомъ такъ кратко и просто, такъ понятно и небесно—онъ съ реализмомъ новаго художника, съ сочностью новаго художества освѣтилъ случай изнутри. Все-же слѣдуетъ замѣтить, что въ Библии не разсказываются „подъ рядъ“ всякія „случайности“, какія происходили, бывали; въ Библии за прямымъ разсказомъ есть и намѣреніе. Почему-то у Лотовыхъ дочерей такъ-таки „никого и не было вокругъ“, чтобы съ ними совокупиться; сколько ни поѣзжай—никого нѣтъ. Но вѣдь сгорѣли только два города, а страна и еще населеніе—остались. Затѣмъ дочери напояютъ виномъ отца. Черезъ все это на ложе отца и дочерей какъ-бы наброшенъ пологъ, черезъ который въ подробностяхъ нельзя ничего разсмотрѣть; израильтянамъ дано прочесть,—но одуряющаго запаха не дано втянуть. „Имя есть, а лица не видимъ“. Гоголь показалъ лицо. Показалъ, и ужаснулся; и назвалъ—„колдунъ“, „колдовство“.

—„Только колдунъ могъ такого пожелать. Колдунъ, а не чело-вѣкъ. Преисподняя, а не земля“.

Колдунъ и еще Гоголь, который, въ отличие отъ Пушкина, взялъ и началъ рисовать такой сюжетъ.

Такъ жизненно!

Разительную сторону разсказа составляетъ разительная его вѣрность, подлинность.

—„Отецъ!—вскричала Катерина, обнявъ и поцѣловавъ его,—не будь неумолимъ, прости Данилу: онъ не огорчитъ больше тебя!“

—„Для тебя только, моя дочь, прощаю!—отвѣчалъ онъ, поцѣловавъ ее и блестя въ страшно очами. Катерина вздрогнула: чуденъ показался ей поцѣлуй и страшный блескъ очей“.

Это такъ неуловимо, этотъ поцѣлуй, которымъ разгнѣванный отецъ прощаетъ дочь и зятя: и мелькнувшую въ немъ чувственность поистинѣ могъ знать только тотъ, кто поцѣловалъ. Кто-же еще? Никто не прочтетъ моего сердца, кромѣ меня. Гоголь поцѣловалъ ее!

Колдунъ въ подземельѣ. Проходитъ Катерина и онъ умоляетъ ее: „Умилосердися! Подай милостыню!“

„Дочь! Христа ради! и свирѣпые волченята не станутъ рвать свою мать,—дочь, хотя взгляни на преступнаго отца своего“.

Та не слушаетъ и хочетъ пройти мимо.

„Дочь! ради несчастной матери“.

Она остановилась.

„Приди принять послѣднее мое слово... Мнѣ близокъ конецъ... Но не казнь меня страшитъ, а муки на томъ свѣтѣ... Ты невинна, Катерина, душа твоя будетъ летать въ раю около Бога, а душа богоотступнаго отца твоего будетъ горѣть въ огнѣ вѣчномъ, и никогда не угаснетъ тотъ огонь; все сильнѣе и сильнѣе будетъ онъ разгораться; ни капли росы никто не уронитъ, ни вѣтеръ не пахнетъ“.

„Да развѣ есть на свѣтѣ казнь, равная твоимъ грѣхамъ?“—проговорила она, содрогнувшись отъ воспоминанія о кровосмѣсительномъ его зовѣ.

„Катерина, постой, на одно слово: ты можешь спасти мою душу; ты не знаешь еще, какъ добрѣ и милосердѣ Богъ: слышала-ли ты про апостола Павла, какой былъ онъ грѣшный человѣкъ, но послѣ покался и сталъ святымъ“...

Въ экстазѣ писанья, Гоголь совсѣмъ забылъ, кто былъ апостолъ Павелъ: и написалъ слова, ни въ какомъ смыслѣ къ нему не относящіяся. У того былъ идейный переворотъ, только въ смыслѣ отверженія и признанія Лица Христа, а Гоголь приписалъ ему нравственный переворотъ, моральную перемену.

„Если-бы мнѣ удалось отсюда выйти, я бы все кинулъ; покаюсь, пойду въ пещеры, надѣну на тѣло постную власяницу, день и ночь буду молиться Богу; не только скоромнаго, не возьму рыбы въ ротъ! Не постелю одежды, когда стану спать, и все буду молиться, все молиться! И когда не сниметъ съ меня милосердіе Божіе хоть сотой доли грѣховъ, закопаюсь по шею въ землю, или замуруюсь въ каменную стѣну; не возьму ни пицци, ни питія, и умру, а все добро свое отдамъ чернцамъ, чтобы сорокъ дней и сорокъ ночей правили по мнѣ панихиду.“

Задумалась Катерина: „Если я и отпру замокъ, я не смогу расковать твоихъ цѣпей“.

Но цѣпи и не существуютъ для него: это--обыкновенныя, рациональныя цѣпи, и ихъ одолѣваетъ его „нечистая сила“. Но стѣны—другое дѣло: въ нихъ „святая сила“, которая его и держитъ: „Я бы прошелъ, моими чарами, и сквозь стѣны,—но мужъ твой и не знаетъ, какія онѣ: ихъ строилъ святой схимникъ, и никакая нечистая сила не можетъ отсюда вывести колодника, не отомкнувъ тѣмъ самымъ ключомъ, которымъ замыкалъ святой свою келью. Такую самую келью вырою и я себѣ, неслыханный грѣшникъ, когда выйду на волю“.

Тутъ вездѣ—языкъ Гоголя, его частный, личный языкъ, языкъ его писемъ, языкъ его предсмертной „Авторской исповѣди“, языкъ его въ разговорахъ съ о. Матвѣемъ и въ запискахъ къ оптинскимъ

монахамъ: между тѣмъ какъ языкъ Бурульбаша, Катеринина мужа—вовсе не личный его, гоголевскій, языкъ, а художественная работа, выдумка.

Говорить „колдунъ“—говорить Гоголь.

Говорятъ казаки—Гоголь сочиняетъ.

Наконецъ, и почти главное, уже „магическое“: Гоголь отмѣчаетъ, что отецъ возвращается „изъ Туретчины“ не ранѣе, чѣмъ когда дочь его вышла замужъ; пока она дѣвственна, его вовсе къ ней не тянетъ. Припомнимъ еврейскую субботу. Но вотъ вышла она замужъ: теперь отъ нея пошли половыя волны, дошли до „турецкой земли“ и задѣли какъ-то отцовское существо: „и стали казаки какъ колдунъ“... Это никому не понятно на европейской почвѣ, это — тайна субботы и нашептываній „Талмуда“, тайна еврейской семьи,— что крови перемѣшиваются въ родѣ, но не при дѣвственности, не съ дѣвцами, — а въ замужествѣ, въ супружествѣ... Перемѣшиваются и завязываются въ магическія узлы-звѣздочки, горящія фосфорическимъ свѣтомъ отнюдь, отнюдь неизвѣстнымъ въ Европѣ.

— Это наша святая магія. Это то, что мы одни знаемъ и никому не расскажемъ. Въ субботу скользятъ, правда „уклоняясь“, тѣни дочерей около отцовъ, зятьевъ около матери, даже сыновей около матери, брата около сестры и сестры около брата: какъ эльфы, въ лунномъ свѣтѣ. Но суббота разсыпалась—и все рассыпалось. На завтра ничего нѣтъ,—и ужъ особенно христіане ничего этого не видѣли.

Но Гоголь узналъ.

Катерина, вѣрная жена, прекрасная женщина,—богомольная, дѣдовская. Казачка съ красивой косой. Замужемъ... и волны ея пола вдругъ дошли и тронули полъ отца. И потянулся старый дѣдъ. невольно, магически, не желая, такъ-что конь упирался — на родину, къ зятинной избѣ, гдѣ лежитъ на лежанкѣ Катерина, — на горячей лежанкѣ, вся разопрѣвъ и чуть-чуть раскидавшись *.

Ненавидитъ домъ и ходитъ около него.

Ненавидитъ обитателей и заходитъ въ него.

Сходитъ, бьется на сабляхъ съ зятемъ, беретъ за пистолеты... Зять мѣшаетъ подойти къ лежанкѣ. „Чего тебѣ, дѣдъ? Тутъ моя жена, твоя дочь“.

* У Гоголя перенесено, какъ „всадникъ наверху горы“ тянется къ себѣ „колдуна“: но это художественная комбинація, перебрость куска картины въ другое мѣсто. Тутъ таинственно вѣрно, до ужаса, показано только „скаканье туда, куда тянетъ“... И „всадника“ можно просто выбросить, какъ придуманный аксессуаръ,—и сохранить лишь страшный реализмъ въ описаніи „невольности“, „рокового“: „колдунъ“ такъ скакалъ „день и ночь“ не въ Карпаты, а въ Украину,—къ Бурульбашу и Катеринѣ!

— У, зарублю васъ всѣхъ! Ребенка, тебя зарублю. Пропустите!..

Это—обычная уголовная хроника. „Не пропускали“,—и „не пропускаемый“ обычно избиваетъ всякаго, кто стоитъ на дорогѣ. Печальная обыденность нашихъ хроникъ, внутренне никогда не освѣщенная..

„Магія! влечетъ! не могу!“

Суть въ томъ, что самое притяженіе это „магично“.. И становится „магомъ“, „колдуномъ“, становится, смотря по духу цивилизаціи, или „чернымъ зловѣмъ“ или, напротивъ, „мудрецомъ“ каждый, попадающій въ кругъ этого притяженія, въ область, въ „губернію“ этого влеченія.. Когда оно дѣйствуетъ? Вообще—никогда; точнѣе — вообще оно бываетъ въ такой разрѣженной формѣ, прозрачной, туманной, какъ „зорька“, что никому не приходитъ на умъ осудить его: это — просто вдругъ вспыхивающая нѣжность родителей къ дочери послѣ ея замужества, но, однако же, только послѣ замужества, когда чувство ея дѣйствительно возрастаетъ, у всѣхъ и всегда, сравнительно съ чувствомъ къ ней-же, какъ къ дѣвущкѣ, до замужества. И только въ рѣдчайшихъ случаяхъ, въ одномъ на миллионъ или на десять миллионъ, достигаетъ сгущенности, когда всѣ пятятся и кричатъ:

— Убить! такого убить надо!

Или, какъ сказалось у Гоголя:

— „Колдунъ появился, убирайте дѣтей“!..

Уны, безъ этого „колдовства“, тонкихъ прозрачныхъ формъ его,— просто не выдавали бы дочерей замужъ, не женили бы сыновей,—богатые, сытые, которымъ зѣтъ необходимости. Но влекутся.. Всѣ влекутся.. Всѣмъ „сладко“, вотъ какъ Богу „благоуханіе жертвъ“. Безъ разрѣженной, какъ бы эфирной формы этой „магіи“, что половыя волны каждаго возбуждительно, какъ „резонаторъ“ или „детонаторъ“, дѣйствуютъ на залежи пола во всемъ кругѣ родства, и чѣмъ ближе—тѣмъ сильнѣе, отчего и родство считается „по степенямъ“ крѣпче и ближе, „священнѣе“—безъ этой магіи вообще не было бы радости всей земли о бракѣ, всѣхъ народовъ о супружествахъ, всѣхъ деревень, селъ, городовъ о „плодитесь! множитесь!“ дѣтей. Ничего не было-бы. Земля-бы рассыпалась. Магія эта проходитъ цементомъ черезъ всю землю, до глубинъ ея,—все связывая, объединяя, всю ее связуя „родствомъ“. Я „родной“ только тому, полъ коего, пробуждаясь, дѣйствуетъ на мой полъ возбуждительнонѣе, нежели на полъ всякаго, третьяго, который по этой апатичности и не есть „родной“, „родственникъ“. Все это въ однихъ случаяхъ нѣжнѣе, въ другихъ—хладнокровнѣе; но мы порицаемъ „холодныхъ родственниковъ“, между тѣмъ это ссть только полная злостія ихъ пола къ полу тѣхъ, къ кому они холодны. Температура должна останавливаться на какомъ-то градусѣ:

— Горячѣе—сожжетъ!

— Горячо какъ пламя: это—колдунъ! восточные „маги“!

— Но и не нужно-же такъ холодно, какъ у насъ, въ Европѣ, гдѣ все холодѣетъ, гдѣ никто никому не нуженъ.

„Земля“ вмѣщаетъ только среднія температуры... Эта „средняя температура“, но гораздо выше нашей — взята у евреевъ: отчего семья у нихъ несравненно теплѣе, нѣжнѣе нашей. Евреи—магичны, всѣ евреи, и магичны всѣ—отъ обрѣзанности, одной и исключительно. У европейцевъ эта температура взята гораздо ниже еврейской,—и семья у нихъ холодна, вяла, безжизненна. „Какъ-нибудь и почти не надо“. Европейцы—амагичны, „позитивны“: и просто отъ того, что нѣтъ обрѣзанія.

Мать держитъ мальчика на рукахъ, видитъ его все го: „будущій мужъ моихъ внучекъ“.

Бабушка держитъ внучку, видитъ ее всю-же: „будетъ въ жену моему сыну“.

Эта мысль и волнующее чувство въ Европѣ невозможны. А безъ этого невозможно настоящее родство,—а лишь его „тѣнь и подобіе“, почти — имя, звукъ. „Эти родственники — только къ наслѣдству лѣзутъ. Да я не дамъ: отпшусь все на богоугодныя заведенія“, — типичная мысль европейца, христіанина.

Поль имѣетъ память въ себѣ; поль имѣетъ въ себѣ воображеніе... Предчувствія, знанія,—для которыхъ матеріальныя препятствія не суть препятствія. Если что „проходить черезъ стѣну“, не разрушая ея. — то это поль. Между невѣстою и женихомъ существуетъ „соотвѣтствіе“ половое; точнѣе, юноша и дѣвушка и превращаются въ „невѣсту“ и „жениха“, повинуваясь „соотвѣтственности“ своей, о которой сказано при самомъ сотвореніи жены Адаму: „сотворимъ, —сказалъ Богъ объ Адамѣ, еще одинокомъ, — жену, съ отвѣтственную ему“. Влюбчивость, возникающая по необъяснимымъ ни для кого причинамъ, „непремѣнно между двумя такими-то“, абсолютно никому не нравящимся, кромѣ ихъ самихъ, другъ другу, возникаетъ какъ влеченіе другъ къ другу „соотвѣтственныхъ“ органовъ, мистически соотвѣтственныхъ, но также затѣмъ и физически, физиологически, анатомически, эстетически, вслѣдствіе: между тѣмъ, они никогда этихъ органовъ не видѣли другъ у друга. Не смотря на всѣ мотивы „перестать любить“, на опасность любви, вредъ ея, невозможность ея, не смотря на очевидность и доказанность „дурного нрава“ другой стороны, изъ котораго можетъ произтечь лишь несчастная жизнь въ супружествѣ,—„соотвѣтственная“ невѣста все-таки идетъ за женихомъ въ церковь: какъ жертва и обреченная. Что это такое? Встрѣчая всякую „любовь“—фактъ такой обыденный—мы выходимъ изъ области рациональнаго, доказуемаго, осязаемаго,

„научнаго“, и вступаемъ въ область ирраціональнаго, непонятнаго, необъяснимаго; вступаемъ въ область волшебства и магіи, — хотя это такъ и обыденно! Каждый, влюбляясь, входитъ въ магическую черту, гдѣ будутъ имъ владѣть „силы, ему непонятныя, и съ которыми онъ не можетъ бороться“; а „конецъ любви“ знаменуетъ собою только „конецъ магіи“ и возвратъ къ рациональному существованію. Во всякой любви бьется зародышъ будущаго ребенка,—конкретнаго, этого опредѣленнаго личика, Ванечки, Танечки: но въ какомъ смыслѣ? Вѣдь ихъ еще нѣтъ, они не зародились, не совершилось самаго соединенія, изъ котораго онъ могъ бы произойти. Но всякій соглашается, что фундаментомъ брака служитъ младенецъ: это даже въ законодательствѣ входитъ, въ плоскую работу чиновниковъ; какимъ образомъ „входитъ“? Не юридически, не логически, но какъ живое существо, какъ туманъ крови, какъ „личико ангела“, — и могущественно направляетъ къ соединенію людей, зажигаетъ любовь въ нихъ. Будущее, „то, что будетъ черезъ два года“, — осязательно беретъ за руки юношу и дѣвушку и вводитъ ихъ въ церковь, переводитъ черезъ нее какъ черезъ порогъ, чтобы уложить въ постель, гдѣ открывается „соотвѣтственность“. Явно, что преградъ, стѣнъ, какъ равно временъ, годовъ не существуетъ для пола: онъ—мигъ и вѣчность; въ его мигъ — вѣчность; онъ—будущее и прошлое; наконецъ, онъ лучится на огромныя пространства: онъ водитъ людей, приводитъ жениха „въ домъ родителей его невѣсты“, иногда въ другомъ городѣ, въ другой странѣ: это—странные случаи, когда „поѣхавшій по торгу“ молодой человѣкъ—вдругъ возвращается женатымъ.

Неизъяснимое блаженство слиянія—изъ коихъ первое есть вполне священный моментъ—показываетъ, до чего много было къ нему предустановлено, предуготовано, какіе запасы идеальныхъ даровъ и сокровищъ съ одной и съ другой стороны были накоплены и задерживались до этого мига, чтобы передаться взаимно, сцѣпиться и переплестись и родиться во что-то въ немъ новое! Въ совокупленіи —рождается человѣкъ: не младенецъ будущій, а вотъ сами они, отнынѣ „мужъ“ и „жена“. Вставъ отъ совокупленія, ни прежняя дѣвушка—уже не та, ни прежній юноша—уже не тотъ. Старое умерло; умеръ въ нихъ „ветхій человѣкъ“, и родился совершенно новый, съ новыми талантами, новой волею, новымъ сердцемъ. Совокупленіе — рожденіе, самихъ совокупившихся — рожденіе. Всю жизнь будетъ помниться этотъ моментъ: это—переломъ судьбы, характера, внутренняго просвѣщенія, всего. Школа, университетъ, прочитанныя книги, товарищество товарищей и дружба друзей—задвигается имъ какъ старая туманность новою реальностью! Такой моментъ вполне магиченъ. Всякое совокупленіе — магично: и совокупающіеся на мигъ его становятся магами, не зная объ этомъ сами, съ властью

магическаго въ себѣ, со сладостью магическаго, съ магическимъ міроощущеніемъ и міроотношеніемъ. И потомъ слѣдъ этого магизма остается на нихъ, и возобновляется (не съ такимъ потрясающимъ характеромъ, какъ при первомъ совокупленіи) въ каждомъ новомъ совокупленіи: помолодѣвъ черезъ него жизненно, біологически — супруги вдругъ духовно въ немъ состарѣлись, приблизились къ „дѣдовскому“, къ „лѣвному старому дѣду“, о которомъ рассказываютъ мнѣ. Всѣ замѣчаютъ, что какъ бы ни были молоды лѣтами мужъ и жена, они въ психологій своей несутъ что-то болѣе старое, зрѣлое, опытное, нежели пожилые холостяки и дѣввы. „Первое совокупленіе — первый сѣдой волосъ въ голову“, — такъ можно формулировать это духовно, аллегорически. Духъ страшно расширяется, — открываются новые горизонты; но это зрѣніе — не изъ книгъ, не изъ размышленія, не эмпирическое, а мистическое и магическаго оттѣнка.

Совокупленія (въ супружествѣ) повторяются: и рождается въ обоихъ одна душа; одна и не одна; въ каждомъ лицѣ (мужъ, жена) — своя душа, но уже не свободная, а зависимая отъ души другого, зависимая въ счастья отъ нея, зависящая въ страданіи отъ нея. Двѣ души сцѣпились въ одинъ организмъ: больна одна — больна и другая, здорова одна — здорова и другая. Цѣла одна — есть другая; разбилась она — умерла: другая. Новый бракъ — всегда есть третье рожденіе; расторженіе предъидущаго — всегда есть крушеніе старой, общей души, — какъ крушеніе аэроплана, разрывъ оболочки воздушнаго шара. Расторженію всегда предшествуетъ это „крушеніе общей души“: его нельзя ни починить, ни поправить. Но возвратимся къ „пока счастливо текущему супружеству“: образуется такой параллелизмъ жизни двухъ душъ, что мужъ и жена совершенно теряютъ нужду рѣчей между собою, и, какъ всѣ знаютъ, ничего нѣтъ рѣже, какъ встрѣтить мужа и жену, „оживленно разговаривающихъ между собою“. Даже это было бы смѣшно, какъ любопытство о содержаніи своихъ кармановъ, или какъ чтеніе авторомъ собственной книги. Совокупленіе — и разговоръ, и чтеніе... Совокупляясь, они передаютъ одинъ другому душу: а вѣдь въ душѣ — и рѣчи, и все. Передана мнѣ душа: зачѣмъ я буду спрашивать рѣчей? Въ совокупленіи мнѣ передана воля, мысль; „все“ передано: зачѣмъ мнѣ подробности? Супружество безмолвно (библейское супружество, лучшее, никогда не развертывается въ рѣчи) и тепло.

Образуется параллелизмъ душъ, параллельный, зависимый ихъ полетъ: вотъ отчего въ супружествѣ невозможенъ обманъ, а гдѣ онъ есть — не было супружества, не „устроилось“ оно, если даже и есть или лучше сказать „бываютъ“ вялые, безлюбовныя совокупленія („коммерческій бракъ“ у христіанъ). Но, въ общемъ, черезъ длящаяся, повторяющіяся совокупленія этотъ параллелизмъ устанавли-

вается: и становится невозможнымъ сокрытіе душевной жизни которымъ-нибудь супругомъ, если бы онъ началъ или захотѣлъ отдѣлиться „отъ другого“. Онъ воображаетъ, что его шаги скрыты, потому что „документы“ спрятаны, „доказательства“ нѣтъ и вся видимость сохранена въ прежнемъ видѣ: напрасныя надежды! Въ тревожномъ сердцѣ другого, въ тоскѣ его, „убитомъ“ его сердцѣ отражена вся потаенная драма другого: и только неизвѣстенъ адресъ и имя другого скрываемого лица, становящагося на его мѣстѣ. Всѣ измѣны начинаются съ надежды „скрыть“: тщетныя надежды! Онѣ могли бы осуществиться, если-бъ тутъ не было магій, если-бъ все не прошло „сквозь щели“. Библейскій бракъ отъ того и остановился такъ твердо, безъ колебаній, на многоженствѣ, что, если-бъ онъ избралъ моногамическій путь, далъ право женѣ требовать моногамичности отъ мужа, то этимъ онъ тотчасъ загналъ бы мужей въ страхъ, сокрытіе и попытки лукавства, т.-е. испортилъ бы всю ткань брака, какъ бы плетя ее изъ гнилыхъ, „не держащихся“ нитей. Рану надо было открыть сейчасъ же и всю, не скрывая ее отъ женъ: дабы пораненіе это было одно, не расплываясь въ развѣтвленія „рака“. Вотъ рана женщины, врожденная, отъ вѣка, отъ сотворенія Адама; въ мужѣ ей данъ сѣятель потомства, естественно имѣющій въ себѣ законъ за сѣванія наибольшаго поля, наибольшаго числа полей. Мужъ — разсѣяніе, жена — сосредоточенность; одному дано „плодиться, множиться“, другой — сохраненіе плода, вѣрность зерну, въ нее положенному. Едино мужіе — кромѣ исключеній, имѣющихъ объясненіе — также врождено женщинѣ, какъ многоженность — и опять кромѣ объяснимыхъ исключеній — врождена мужчинѣ, и есть въ немъ не слабость, а „другой законъ“. Съ перваго же слова, чтобы не допустить сюда обмана, Библия и утвердила многоженность: но эту одну рану принявъ, какъ и крестъ мукъ при родахъ, женщина избавлялась уже Самимъ Богомъ отъ другихъ ранъ, и вообще ей предоставлены покой, ухаживаніе, постоянная нѣжность отъ мужа, величайшая отъ него деликатность, даже покорность ея волѣ (Авраамъ въ отношеніи Сарры, Исаакъ въ отношеніи Ревекки, да и Іаковъ послушенъ каждой изъ женъ)... Полигамная жена естественно должна быть царица, увѣнчиваемая мужемъ за согласіе на полигамность. Ей все отдается за эту одну рану: мужъ-же долженъ трудиться и быть въ нѣкоторомъ рабствѣ, какъ рудокопъ въ шахтѣ, за одну полученную имъ привилегію — быть полигамнымъ. Это — космологическіе законы, отнюдь не индивидуальныя. Каждая ямка, съ зерномъ въ себѣ — тепла этимъ однимъ зерномъ, грѣетъ его, получаетъ въ немъ смыслъ, имѣетъ въ немъ назначеніе; но сѣятель, держа зерна въ пригоршнѣ, — помолитесь на Востокъ — со всею силою разбрасываетъ ихъ по полю кругомъ... „Гдѣ что выростетъ — все Божіе“. Это — законъ: и ни-

что его не можетъ нарушить. Все-таки страдальческій законъ для женщинъ—этого мы не должны забывать.

Садовникъ, осматривая садъ, полный крѣпкихъ и слабыхъ, старыхъ и молодыхъ, сладкихъ и горькихъ деревь, соображаетъ что-то и, взявъ кривой садовый ножъ, подходитъ къ одному дереву, и, вынимая изъ тѣла его „глазокъ“,—идетъ къ другому дереву, топоромъ расщепливаетъ его тѣло и вкладываетъ вынутый изъ другого дерева „глазокъ“ въ образовавшееся расщепленіе, и затѣмъ рану залѣпляетъ воскомъ. Послѣ этого совершается чудо: соки дерева, положимъ горькаго или дикаго, поднявшись отъ корня къ вложенному „глазку“, получаютъ отъ него, живого и имѣющаго соки, да вообще имѣющаго какую-то тайну въ себѣ—эту его консистенцію, его сущность: и всю массу свою преобразуются отъ „глазка“ и идутъ дальше, къ вѣтвямъ и цвѣтамъ дерева, къ плодамъ его—какъ совершенно новое существо, какъ сокъ не этого дерева, а того, другого, откуда взять „глазокъ“.

„Глазокъ“ побѣдилъ все дерево. „Глазокъ“—мужъ, сѣмя мужа.

Принявшее его дерево—жена.

Прививка—супружество. Всякое супружество есть прививка. Но отъ одного дерева можно взять много „глазковъ“ и привить ихъ разнымъ деревьямъ, которыя всѣ примутъ въ себя консистенцію „мужа своего“, дерева, откуда взяты „глазки“. Но порознь въ каждое дерево нельзя привить много глазковъ отъ разныхъ деревь: получится чепуха, ничего не получится. Получится ботаническая „проституція“. Для женщины нѣтъ высшаго закона, какъ вѣрность „одному глазку“: точнѣе—это единственный для нея законъ. Чѣмъ вѣрнѣе „женино дерево“ сохраняетъ единоутробность принятому „глазку“, тѣмъ оно расцвѣтаетъ пышнѣе, красивѣе. Въ вѣрности сѣмени женщина берегаетъ себя: добродѣтель свою, красоту свою.

Но „добродѣтель“ мужа—множиться, преобразовывать все, весь садъ по закону своему.

Это основная коллизія, драма брака, отъ „основаній“ земли положенная: отъ которой много черныхъ капель падаетъ изъ пораненныхъ стволовъ на темную землк. Но земля остается къ нимъ равнодушна. Ей нужно „цвѣсти“...

Законъ!

Вслѣдствіе подробностей, которыя легко представить каждый,—принявшее „глазокъ“ дерево остается вѣрно ему и страшно все преобразуется именно отъ того, что „глазокъ“ остается въ немъ, „сидитъ“, отсюда не „уходитъ“: и выбросить его никакъ не можетъ дерево. Какъ ухаживаетъ женихъ за невѣстою, самецъ за самкою во всей природѣ: дѣвушки-же и самки никуда не торопятся и остаются пассивны. Нѣтъ большаго „раба“, чѣмъ женихъ... Дѣвушка, даже

при любви и желаніи замужества, не торопить день соединенія: стѣ того, что она инстинктивно чувствуетъ величайшее смятеніе передъ совокупленіемъ! Она въ немъ „отдаетъ себя“ другому, буквально отдаетъ: вспомнимъ „прививку“,—и мы поймемъ тоску дерева, въ которомъ отнынѣ потекутъ не его соки, а другіе! Первое совокупленіе для дѣвушки есть отдача своей воли: не своихъ желаній или „текущаго“, но воли въ коренномъ, внутреннемъ смыслѣ! „Се раба твоя“... Съ первымъ же совокупленіемъ она вступаетъ въ рабство, въ превознесеніе и униженіе, превознесеніе внѣшнее, общественное, и униженіе внутреннее, органическое. Чужая воля, черезъ сѣмя, вошла въ нее, чужой законъ, чужая натура, которая истребляетъ все прежнее „дѣвичье“, истребляетъ „отцовское—матернее“, дѣлая ее только „мужнею“. Это вполне странный актъ. За него, за великое самоотверженіе въ немъ всякая дѣвушка въ первый сутки брака должна быть увѣнчана и прославлена общиною, городомъ, государствомъ, церковью.

Напротивъ, мужъ въ немъ не „теряетъ себя“ (какъ дѣвушка буквально „теряетъ“, „потеряла свое дѣвство“, „дѣвичью судьбу“ свою, всю себя за 17-ть лѣтъ, „отреклась отъ отца и матери“). Мужъ въ первомъ совокупленіи омывается, очищается (какъ еврей въ „миквѣ“), освобождается отъ пороковъ, грѣха, грязи и легкомыслія предшествующей жизни: но омыться—далеко не то, что принять „прививку“. Черезъ подробности, о которыхъ не надо говорить, онъ только смазывается, помазуется: длительность этого день, два, недѣля,—но не больше. Отъ этого онъ вовсе не въ такой же мѣрѣ „укрѣпляется за женою“, какъ „жена укрѣпляется за мужемъ“: и законъ моноандринъ за одною, какъ и полигаміи—за другимъ, также предустановленъ въ этомъ существѣ дѣла, котораго никому не измѣнить! Но мы возвращаемся къ первому моменту: дѣвушка уклоняется, женщина—откладываетъ, но вотъ все „совершилось“: отношеніе рабства и господства вдругъ переменяется; мужчина сдѣлался „господиномъ“, жена „рабою“ его. Отношеніе совершенно противоположное жениховско-невѣстному.

„Принявшее прививку“ входитъ въ рабскую зависимость отъ „глазка“, и черезъ него—въ отношеніи того дерева, откуда происходитъ „глазокъ“... Теперь все въ женщинѣ и весь домъ ея начинаетъ служить ему. Поразительно, до чего въ нормальныхъ случаяхъ, когда мужъ переходитъ въ домъ жены („оставить мужъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей“), а не обратно,—весь старый и широкій домъ молодой женщины начинаетъ „служить“ еще неопытному и неразумному юношѣ, служить съ любовью, влюбленно... Это и есть настоящее „родство“, какъ зависимость кровей, детонація или резонанція кровей: образуется, въ тѣни и тайнѣ, въ безмолвіи и безмолвныхъ восторгахъ, настоящее „несеніе fallus'a“, какъ въ языче-

скихъ древнихъ процессіяхъ, гдѣ было все открыто, теперь же все это скрылось въ мракъ ночей и нѣмоты, но продолжается безъ всякой перемѣны, какъ „законъ ролетва“. Все — для юноши, все — въ жертву ему; привычки дома измѣняются для него, измѣняются „убѣжденія“, порываются однѣ традиции, завязываются другія. Посмотрите, какъ нѣжны къ нему становятся сестры молодой женщины: онѣ всѣ „детонируютъ“ его полу и, собственно, начинаютъ: течь параллельно полу замужней сестры, лишь не дотекая, лишь отставая, „пробираясь сторонкой“. Полъ замужней женщины увлекаетъ въ потокъ свой, вслѣдъ себя полъ всего круга родства, — захватывая не только женскую половину его, но и мужскую: здѣсь-то и коренится тотъ „уранизмъ въ старости“, котораго такъ не понималъ Шопенгауэръ; на самомъ дѣлѣ это вообще „пробуждающееся чувство тестя“, являющееся, конечно, и у холостыхъ въ типичный „возрастъ тестя“. Онъ совершенно параллеленъ и единъ съ чувствомъ женъ ихъ, старицъ: это — совершенно другое, чѣмъ было раньше, отношеніе къ мужскому тѣлу и его виду, нѣжное въ замѣнъ гадливаго, влекущееся взаимнѣ стталкивательнаго, внимательное взаимнѣ пенебрержительнаго. Кровь дочери резонируетъ въ кровь отца: какъ только она начала совокупляться, отецъ становится „старцемъ Платономъ“, тѣнью его, образомъ его, въ отношеніи къ Фсбо-образному Федру. Всякій молодой мужъ — Федръ, „страшный мальчикъ“, котораго всѣ боятся и всѣ ему служатъ; а старость принимаетъ въ кровь свою „великую философію Платона“. Вотъ существо дѣла, а не тѣ глупости, которыя о немъ написалъ Шопенгауэръ.

Теперь, „детонируя“, весь „домъ“ въ его сложности хотѣлъ-бы совокупляться: но исполняетъ это, кто можетъ! И у всѣхъ, кто можетъ, это въ высшей степени благословлено. Обратите вниманіе, какъ нерѣдко въ случаяхъ уже давно остановившагося чадородія, — съ замужествомъ дочери у родителей самихъ рождается ребенокъ! Видъ первой беременности дочери, ожиданіе первой беременности, и, точнѣе и вѣрнѣе, чувство первыхъ ея совокупленій, „передающееся черезъ толстыя стѣны“, даже черезъ пространство губерній (если она вышла „на чужую сторону“) — пробуждаетъ и молодитъ силы старыхъ: а уже „благословеніе“ готово въ небесахъ, и совокупленія не остаются безплодными. Суть „родства“, — что оно двигаетъ соки во всемъ „древѣ жизни“: „прививка“ перемѣняетъ „судьбу одной“, но двигаетъ и всѣ сосѣднія дерева, поднимая въ нихъ соки весеннимъ токомъ. Все молодѣетъ, все „какъ будто въ маѣ“, хотя для другихъ насталъ давно сентябрь. Обычное явленіе, что годъ на семнадцатый, иногда на 12-й супружества половая связь у родителей распадается, тупѣетъ, холодѣетъ: но бракъ дѣтей входитъ острѣе началомъ въ нихъ и снова завязываетъ умершую было связь. Бракъ

дѣтей — „воскресеніе“ для родителей: они опять начинаютъ „жить“ и это благословлено, слишкомъ благословлено. Самый „домъ“, его „сложное“, его „цѣлое“ получаетъ высокую художественную красоту, не говоря уже о нравственной, когда мать и дочь обѣ несутъ беременный животъ, обыкновенно мать нѣсколько отставая, какъ увлеченная вслѣдъ дочерняго потока. Роды матери на мѣсяць, на 1½ бывають позднѣе дочерняго: это — взрывъ страсти въ ней, „непремѣнная моя беременность“, какъ только обозначилось и стала несомнѣнною беременность дочери (внутренніе, домашніе признаки).

Мы сейчасъ подойдемъ къ темъ Гоголя: это обычное, будничное явленіе, что при замужествѣ дочери, если ея отецъ холостъ — онъ женится на дѣвушкѣ, ни въ какомъ случаѣ не старше, чѣмъ выходящая замужъ его дочь; если-же бываетъ, что онъ отстаетъ и нѣсколько позднѣе женится, то беретъ жену себѣ моложе своей дочери и именно тѣхъ самыхъ лѣтъ, когда выходила замужъ его дочь. Что все это „гармонизовано и съ другой стороны“, можно видѣть изъ той охоты и вообще готовности, полной и искренней, съ которою молодыя дѣвушки, очень иногда красивыя и богатыя, становятся женами „отцовъ своихъ подругъ“. Подозрительный христіанскій глазъ усматриваетъ здѣсь худое, корысть дѣвушекъ, распущенность старцевъ: къ счастью, случаи замужества именно богатыхъ и красивыхъ устраняють здѣсь всякое сомнѣніе о подлинной чистотѣ и безукорности явленія. Это — законъ, а не прихоть; тутъ „древо жизни“, а не что-нибудь произвольное. Но обратимъ вниманіе на возрастъ невѣсты: никогда-то, никогда онъ не бываетъ зрѣлѣе возраста выходящей замужъ дочери! Никогда въ 30 лѣтъ дѣвушка не выйдетъ замужъ за такого старца; никогда, хоть „сошлите“. Нѣтъ „соотвѣтствія“, мистическаго и магическаго. Выходить отъ 17-ти до 21, и самое позднее 26-ти лѣтъ: сверстницы, „погодки“ съ дочерью. Поразительно, что и съ дѣвичьей стороны пробуждается это „соотвѣтствіе“: у женящагося-же старца это всегда бываетъ „легкій розовый туманъ“ той тайны и магіи, которую въ сгущенномъ видѣ, чрезвычайно рѣдко бывающемъ, рассказалъ Гоголь въ „Страшной мести“.

„Мнѣ однако-же страшно оставаться одной, — говоритъ Катерина мужу. — Меня сонъ такъ и клонитъ: что, если приснится то же самое? Я даже не увѣрена, точно-ли то сонъ былъ“...

Былъ не сонъ, а „былъ“... Катерина засыпаетъ... Мужъ ея сядетъ за бумаги, — по войсковой канцеляріи: „одинъ глазъ смотритъ на бумагу, а другой — на Днѣпръ“.

Показалась лодочка на Днѣпрѣ... „Папъ-отецъ“... направляется куда-то: куда, еще не знаетъ казакъ, но лодочка подплываетъ къ

глухому мѣсту, гдѣ стоитъ окруженный легендами и страхомъ замокъ колдуна. Однако, Бурульбашу и на умъ не приходитъ, что колдунъ и тестъ его—одно лицо.

Во всемъ, что передаетъ Гоголь о „колдовствѣ“, насъ поражаетъ... не то, чтобы „реализмъ“ его, а вѣрность дѣлу, точное знаніе вещей, увѣренное и спокойное. Въ сказку,—полу-дѣтскаго и фантастическаго характера,—написанную Гоголемъ въ обычныхъ тонахъ его притворной шутливости и чрезмѣрнаго преувеличенія, какъ бы врѣзанъ, инкрустированъ рассказъ о нѣкоторомъ дѣлѣ, событіи, „бывальщинѣ“ („что бываетъ“), который онъ не могъ въ подробностяхъ передачи заимствовать ни изъ легендъ, ни изъ деревенскихъ рассказовъ, ни изъ чтенія, а только изъ какого-то страннаго и чудовищнаго своего внутренняго вѣдѣнія.

„Бурульбашу почудилось, будто блеснуло въ замкѣ огнемъ узенькое окошко“...

Это — когда „колдунъ“ только еще собирается ѣхать въ него, только еще „думаетъ думу“ посѣтить свое жилище.

Но вотъ лодка его на Днѣпрѣ: „Верхнее окошко тихо засвѣтилось“.

Это — та „телепатія“, тотъ „параллелизмъ“ вещей, феноменовъ, теченій, событій,—то ихъ „созвучіе черезъ далекое“, о которомъ мы выше говорили, какъ о постоянномъ признакѣ всѣхъ полевыхъ явленій, въ то же время явленій магическихъ. „Колдунъ“ думаетъ, „гнѣздо“ его знаетъ; онъ „направляется“ сюда, „гнѣздо“ его уже привѣтствуетъ, зоветъ. Здѣсь нѣтъ не живого; здѣсь все живо, и вещи, и зданія, и утварь. Какъ живы? Чѣмъ живы? Но полъ и актъ половой не преобразуютъ-ли мертвыя частицы, химическіе продукты въ живое существо? „Взялъ землю и сотворилъ человека“. „изъ кислорода, азота, фосфора, извести образуется зародышъ младенца“. Гдѣ полъ—нѣтъ смерти и нѣтъ механическаго, матерьяльнаго. „Замокъ“ живъ и есть такое-же живое, кровосмѣнительное существо, какъ и „колдунъ“: онъ — „утроба“, гдѣ происходитъ кровосмѣненіе, точно „играющая“ на встрѣчу кровосмѣнителю... Гоголь удивительно это передалъ черезъ эти „засвѣтившіяся“ окошки. Откуда онъ зналъ это??!

Бурульбашъ, съ вѣрнымъ казачкомъ Степко, рѣшается выслѣдить тестя. Выходятъ изъ дому, крадутся, приблизились къ замку. „Нельзя заглянуть въ окно“... Но онъ замѣтилъ дерево, стоящее передъ окнами, и мигомъ взлѣзъ на него.

„Уцѣпился онъ за дерево руками и глядитъ.“

„Въ комнатѣ и свѣчи нѣтъ, а свѣтитъ. По стѣнамъ чудные знаки; виситъ оружіе, но все странное: такого не носятъ ни турки, ни крымцы, ни ляхи, ни христіане, ни славный народъ шведскій“.

Далеко отъ насъ, далеко! Далеко отъ нашихъ „былей“... Это — за чертою христіанства; до христіанства, въ сторонѣ отъ него... Это, если взять наше „теперь“, что-то „антихристово“, т.-е. разрушающее все дѣло Христово на землѣ, весь завѣтъ Его, все слово Его... Гоголь, довольно неумѣло, выразилъ это черезъ „чужое, странное, не те перешнее оружіе, развѣшанное по стѣнамъ“. Говорить о „паспортѣ“, когда „по рождѣ“ видно.

„Подъ потолкомъ взадъ и впередъ мелькаютъ нетопыри, и тѣни отъ нихъ мелькаютъ по стѣнамъ, по дверямъ, по помосту. Вотъ, отворилась безъ скрипа дверь; входитъ кто-то въ красномъ жупанѣ, и прямо къ столу, покрытому бѣлою скатертью. „Это онъ, это тестъ“, прошепталъ казакъ и спустился ниже.“

„Но тестю некогда глядѣть, смотреть ли кто въ окошко или нѣтъ. Онъ пришелъ пасмуренъ, не въ духѣ,—сдернулъ со стола скатерть—и вдругъ по всей комнатѣ тихо разлился прозрачно-голубой свѣтъ: только несмѣшавшіяся волны прежняго блѣдно-золотого переливались, ныряли, словно въ голубомъ морѣ, и тянулись слоями, будто на мраморѣ. Тутъ поставилъ онъ на столѣ горшокъ и началъ кидать въ него какія-то травы.“

„Манъ Данило сталъ вглядываться и не замѣтилъ уже на немъ краснаго жупана; вмѣсто того показались на немъ широкія шаровары, какія носятъ турки; за поясомъ пистолеты; на головѣ какая-то чудная шапка, неписанная вся не русскою и не польскою грамотою. Глянулъ въ лицо — и лицо стало перемѣняться; носъ вытянулся и повиснулъ надъ губами, ротъ въ минуту раздался до ушей; зубъ выглянулъ изо рта. нагнулся на сторону, и сталъ передъ нимъ тотъ самый колдунъ, который показался на свадьбѣ у эсаула. „Правдивъ сонъ твой“, подумалъ Бурульбашъ.“

„Колдунъ сталъ прохаживаться вокругъ стола, знаки стали быстрѣе перемѣняться на стѣнѣ, а нетопыри залетали сильнѣе внизъ и вверхъ, взадъ и впередъ. Голубой свѣтъ становился рѣже, рѣже и совсѣмъ какъ будто потухъ. И свѣтлица освѣтилась уже тонкимъ розовымъ свѣтомъ. Казалось, съ тихимъ звономъ разливался чудный свѣтъ по всѣмъ угламъ и вдругъ пропалъ, и настала тьма. Слышался только шумъ, будто вѣтеръ въ тихій часъ вечера наигрывалъ, кружась по водному зеркалу, нагибая еще ниже въ воду серебряныя ивы. И чудится пану Данилѣ, что въ свѣтлицѣ блеститъ мѣсяцъ, ходятъ звѣзды, неясно мелькаетъ темно-синее небо и холодъ ночного воздуха пахнулъ даже ему въ лицо. И чудится пану Данилѣ (тутъ онъ сталъ щупать себя за усы, не спитъ-ли), что уже не небо въ свѣтлицѣ, а его собственная опочивальня: висятъ на стѣнѣ его татарскія и турецкія сабли; около стѣнъ полки, на полкахъ домашняя посуда и утварь; на столѣ хлѣбъ и соль; виситъ

люлька... но вмѣсто образовъ выглядываютъ страшныя лица; на лѣжанкѣ... но сгустившійся туманъ покрылъ все, и стало опять темно. И опять съ чуднымъ звономъ освѣтилась вся свѣтлица розовымъ свѣтомъ, и опять стоитъ колдунъ въ чудной чалмѣ своей. Звукъ стали сильнѣе и гуще, тонкій розовый свѣтъ становился ярче, и что-то бѣлое, какъ будто облако, вѣяло посреди хаты, и чудится пану Данилѣ, что облако то не облако, что то стоитъ женщина, только изъ чего она—изъ воздуха, что-ли, выткана? Отчего-же она стоитъ и земли не трогаетъ, и не опершись ни на что, и сквозь нее просвѣчиваетъ розовый свѣтъ и мелькаютъ на стѣнѣ знаки? Вотъ она какъ-то пошевелила прозрачною головою своею: тихо свѣтятся ея блѣдно-голубыя очи; волосы выются и падаютъ по плечамъ ея, будто свѣтло-сѣрый туманъ; губы блѣдно алѣютъ, будто сквозь бѣло-прозрачное утреннее небо летѣтъ едва примѣтный алый свѣтъ зари; брови слабо темнѣютъ... „Ахъ! это Катерина!“ Тутъ почувствовалъ Данило, что члены у него сковались; онъ силится говорить, но губы шевелились безъ звука.

„Неподвижно стоялъ колдунъ на своемъ мѣстѣ.—Гдѣ ты была?—спросилъ онъ, и стоявшая передъ нимъ затрепетала.

— „О, зачѣмъ ты меня вызвалъ?—тихо простонала она.—Мнѣ было такъ радостно. Я была въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родилась и прожила пятнадцать лѣтъ. О, какъ хорошо тамъ! Какъ зеленъ и душистъ тотъ лугъ, гдѣ я играла въ дѣтствѣ; и полевые цвѣточки тѣ же, и хата наша, и огородъ! О, какъ обняла меня моя добрая мать! Какая любовь у нея въ очахъ! Она приголубливала меня, цѣловала въ уста и щеки, расчесывала частымъ гребнемъ мою русую косу... Отецъ...

— „Гдѣ теперь пани твоя“?—персбилъ ее колдунъ.

— „Пани моя, Катерина, теперь заснула, а я и обрадовалась тому, вспорхнула и полетѣла. Мнѣ давно хотѣлось увидѣть мать; мнѣ вдругъ сдѣлалось пятнадцать лѣтъ; я вся стала легка какъ птица. Зачѣмъ ты меня вызвалъ?

— „Ты помнишь все то, что я говорилъ тебѣ вчера?—спросилъ колдунъ такъ тихо, что едва можно было разслушать.

— „Помню, помню; но чего бы не дала я, чтобы только забыть это. Бѣдная Катерина! Она многого не знаетъ изъ того, что знаетъ душа ея...

„Это—Катеринина душа“,—подумалъ панъ Данило; но все еще не смѣлъ пошевелиться.

— „Я поставлю на своемъ,—грозно сказалъ ей отецъ:—я заставлю тебя сдѣлать, что мнѣ хочется. Катерина полюбитъ меня!..

— „О, ты—чудовище, а не отецъ мой!—простонала она.—нѣтъ, не будетъ по-твоему! Правда, ты взялъ нечистыми чарами твоими власть вызывать душу мою и мучить ее; но Одинъ только Богъ мо-

жетъ заставить ее дѣлать то, что Ему угодно. Нѣтъ, никогда Катерина, доколѣ я буду держаться въ ея тѣлѣ, не рѣшится на это богопротивное дѣло! Отецъ, близокъ страшный судъ! Еслибы ты и не отецъ мой былъ, и тогда бы не заставилъ измѣнить моему любимому, вѣрному мужу; еслибы мужъ мой и не былъ мнѣ вѣренъ и милъ, и тогда бы не измѣнила ему, потому что Богъ не любитъ клятвопреступныхъ и невѣрныхъ душъ!

„Тутъ вперила она блѣдныя очи свои въ окошко, подъ которымъ сидѣлъ панъ Данило, и неподвижно остановилась...

— „Куда ты глядишь? Кого ты тамъ видишь?—закричалъ колдунъ.

„Воздушная Катерина задрожала; но уже панъ Данило былъ давно на землѣ...“

Вполнѣ магическая страница... Всякій, кромѣ Гоголя, остановившійся на сюжетѣ этомъ, передалъ бы осязаемую его сторону: „поймалъ“ бы отпа и Катерину въ корридорѣ, на кухнѣ, въ спальнѣ хорошо прижавъ колѣномъ, запротоколировалъ все съ „реальными подробностями“, какъ поступаютъ въ консисторіяхъ при выслушиваніи подобныхъ „дѣлъ“. „Гдѣ лежала юбка и куда были поворочены ноги“. Такъ, между прочимъ, пишетъ въ одной пьесѣ и глубоко-мысленный Э. Сологубъ: „отецъ сказалъ то-то, дочь отвѣтила такъ-то“, и затѣмъ занавѣсъ и многоточіе. Да, собственно, что-же иначе и написать обыкновенному человѣку? Даже мудрому, но обыкновенному?

Необыкновенность Гоголя, чудодѣйственность его выразилась въ томъ что онъ написалъ совершенно другое!! Но именно то, что по-настоящему слѣдовало: онъ выразилъ самую сущность кровосмѣшенія, „родного союза“, неестественнаго смѣшиванія кровей, въ самой природѣ (въ ея ⁹⁹⁹/₁₀₀₀) никогда не смѣшивающихся, имѣющихъ неодолимое отталкиваніе, отвращеніе къ смѣшиванію между собою.

Что „одолѣваетъ природу“—это магія. Что такое „магія“, что такое „магъ“? Тотъ, кто „повелѣваетъ и стихіямъ“. Стихіи текутъ „такъ-то“, вѣковѣчно, „Гольфштремомъ“; какъ „Господь Богъ положилъ“ и стоитъ съ „основаній земли“. Люди, взирая на это мирное теченіе, никогда невозмущаемое, остаются спокойными, какъ взирая на восходъ солнца постоянно съ востока и на заходъ его постоянно на западъ. Но вдругъ солнце, скрывшись за западнымъ горизонтомъ, этакъ часа черезъ два вдругъ полѣзло-бы на небо оттуда-же опять назадъ. „Солнце пятится назадъ“. Хотя пока ничего вреднаго не произошло, но люди отъ страха съ ума бы сошли. „Ничего вреднаго: а такъ страшно, такъ ужасно, что кровь леденѣетъ“ Отчего?

— Пок ачнулись столбы земли.

Въковѣчно, вотъ какъ восходъ и заходъ солнца, отцамъ „въ голову не приходитъ“ полъ собственного дитяти: „не ударяетъ въ голову“ съ этимъ оттѣнкомъ тяготѣнія, какъ ударяетъ вообще всеѣмъ окружающимъ. Отецъ знаетъ о полѣ дочери съ тѣмъ равнодушіемъ, какъ мы знаемъ о Буэносъ-Айресѣ, т. е. „есть“ ли, „нѣтъ“ ли, моего пола не касается“. Это — мертвое знаніе, равнодушное, пассивное. Такъ вообще и всемірно: кромѣ одного случая или, вѣрнѣе, момента въ жизни дочерей, также и въ жизни ихъ отцовъ, когда дочери становятся замужними. Тутъ въ нѣдрахъ отцовскихъ „шевельнется“ что-то, — не болѣе, — скрытно, туманно. „Что-то“, и — много-точіе. На это, вообще, не обращалось вниманія; явленіе, что отцы въ эту пору тоже почему-то или начинаютъ опять рождать со старыми женами, или женятся на дѣвушкахъ, возраста не имѣя и не дочерняго — не обращалось вниманія; принималось за „проказы старости“, „папашину дурь“, и исчезало въ легкихъ шуткахъ толпы и улицы. Но дѣло въ томъ, что солнышко, „запавъ за горизонтъ“, подъ горизонтомъ вообще всемірно „дѣлаетъ петлю“, и пытается опять „взойти съ запада“, но до черты не доходитъ, кровавымъ лучемъ своимъ не показывается, и, немного поволновавшись, продолжаетъ смиренно подъ землею „Господень путь“, чтобы на завтра опять „нормально и по-Божьи“, взойти съ Востока...

Кромѣ $\frac{1}{1000}$, или, вѣрнѣе, $\frac{1}{10000}$ или даже $\frac{1}{100000}$, когда оно вдругъ показывается съ Запада!

— Съ нами крестная сила! — восклицаетъ православный людъ.

— Vater unser! — читаютъ лютеране.

Каголики тоже что-то говорятъ. Кромѣ однихъ евреевъ, которые шепчутъ:

— Это наша исторія Лота и дочерей его. Намъ это не запрещено читать даже въ синагогахъ, какъ листъ Священнаго Писанія. Наше вниманіе на это обращено.

— Но вѣдь за то вы и жида, Христа распяли...

Магическую сторону въ рассказѣ Гоголя составляетъ самая техника ея; мелочи, подробности рассказа.

— „Для чего, — говоритъ колдуну-тестю Бурульбашъ, — ты не любишь свинины: — одни турки и жида не ѣдятъ свинины?“

„Еще суровѣе нахмурился отецъ.“

„Только одну лемишку съ молокомъ и ѣлъ старый отецъ, и потянулъ вмѣсто водки изъ фляжки, бывшей у него за казухой, какую то черную воду“.

Слово „жидъ“ мелькнуло въ рассказѣ Гоголя: единственное слово, которое и нужно было упомянуть, но непременно нужно...

Это — „жидовское начало“... Кровосмѣшеніе — „жидовское начало“... И столь противоположное христіанскому, что кто его творить — хуже

убійцы, изверга, этихъ совершителей рациональныхъ преступленій, ибо онъ совершаетъ нерациональное, иррациональное преступленіе, отъ котораго стынетъ кровь!

Неумѣло или вообще не нужно Гоголь приписалъ поэтому „колдуну“ всякія преступленія, „зарѣзалъ жену“ (мать Катерины) и проч. Это — бутафорія. „Послѣдній въ родѣ Петро будетъ самый ужасный злодѣй“. Такова была тема разсказа, содержащаяся въ самой завязкѣ его, въ проклятіи убитымъ братомъ убійцы-брата и потомства его. Но Гоголь, нагромоздивъ „злodeйствъ“ на послѣдняго потомка, все злодѣянія увѣнчалъ собственно безболѣзненнымъ, утилитарно-безвреднымъ... кровосмѣшеніемъ съ дочерью! Но поразительно, что, поставивъ эту вершину на дѣлую гору преступленій, онъ...

Вдругъ зарисовалъ комнату съ голубымъ, розовымъ, золотымъ свѣтомъ, тянущимся нитями, „какъ жилки въ мраморѣ...“ и въ центрѣ ея поставилъ мага-кровосмѣшителя, „колдуна“ по просторѣчю и собственному испугу, или части испуга: ибо удивительный рисунокъ его показываетъ, что, кромѣ простонароднаго испуга, въ немъ засвѣтилось какое-то другое любопытство, открылось другое и новое видѣніе, совершенно точное, заставившее помѣтить случай туда, куда слѣдовало: на Востокъ! въ глубь Ассиріи, Египта, Персіи, древнихъ маговъ!

„Показались страшныя рожи на стѣнахъ“, „гдѣ были иконы у Катерины въ спальнѣ, выглядывали ужасныя лица...“

Вѣроятно, съ коровьими головами при человѣческомъ туловищѣ, съ головою кошки, съ головою птицы: да это — египетскій храмъ! Написаніе Гоголя не оставляетъ сомнѣнія, что никакой научной подготовки къ разсказу онъ не дѣлалъ, и что ни малѣйшаго сближенія и уподобленія онъ въ своей мысли не держалъ. Если бы это было — все было бы въ его разсказѣ не интересно: интересное въ томъ, что онъ писалъ вдохновенно и малороссійски-народно, но безъ вѣдома своего, дивнымъ геніемъ или атавизмомъ своимъ перенесся въ центральныя таинства Египта, Ассиріи и Ирана, и даже... просто разгадалъ эти таинства!

Въ „переливахъ свѣта“ въ комнатѣ колдуна, во время его „волхвованія“, — меня много лѣтъ назадъ поразила мысль: что вѣдь если дѣло идетъ о „кровосмѣшеніи“, то эти смѣшивающіяся и не смѣшивающіяся волны, полосы свѣта, вливающіяся другъ въ друга, и вмѣстѣ враждебныя сліянію — въ сущности удивительно передаютъ уже самое кровосмѣшеніе... Колдунъ „волхвуетъ“: и въ комнатѣ начинается... кровосмѣшеніе, но въ какой-то звѣздно-небесной формѣ... Какъ „послѣдній чеканъ“ генія названы „тянущіяся нити“, тянущіяся въ голубомъ свѣтѣ: брезжется, недоказуемо, но какъ-то уча-

дывается, что голубой свѣтъ — душа Катерины, розовый — кровь ея, эти золотыя нити. въ нее проникающія, — отцовское начало, его сѣменные нити. И „появляется сама Катерина“, потому что какъ-же ей не появиться: гдѣ совокупленіе — тамъ уже и тѣло! И за тѣломъ — душа!.. Между тѣмъ. она и спитъ, продолжаетъ спать въ своей хатѣ: также истинно одно, какъ реально и другое! Отецъ ея позовалъ фактическимъ зовомъ, — тѣмъ, что она изъ него-же вышла, черезъ ся мать; позовалъ, какъ власть зоветъ подчиненное, генетически, мистически подчиненное. Она такъ же не можетъ ему противиться, какъ зерно — дереву, изъ котораго выросло. Отецъ мистически и внѣ-временно ввелъ ее въ утробу матери, — откуда и происходитъ видѣніе матери, о которомъ она лепечетъ, — и затѣмъ слилъ ея душу, изъ сѣмени его вышедшую, съ самымъ сѣменемъ, и, какъ свое сѣмя, потребовалъ къ себѣ, потребовалъ ея душу, „всю трепещущую страхомъ“. Такимъ образомъ, онъ „обратилъ вспять всю природу“ и суть магіи или сила магіи его состоитъ или происходитъ отъ умѣнья „вернуть времена“ къ началу или исходу... Дочь — совершенно въ его власти: какъ его сѣмя въ тотъ мигъ, когда она была зачата. „Душа“... что такое „душа“? „Когда“ она. — т е п е р ь л и и л и в ѣ ч н о ? Гдѣ „настоящее“ души? Стрѣлка часовъ на стѣнѣ ничего не значитъ для „души“: она — вѣчно. Колдунъ и беретъ это „вѣчное“ души, беретъ душу въ ея вѣчномъ существѣ, въ ея вѣчной мысли, но ухватываетъ ее въ моментъ „зачатія“, срѣзаетъ съ корня, подъ корнемъ — и цвѣтокъ беретъ къ себѣ, какъ свое созданіе, какъ свою волю, какъ эманацию своихъ силъ, своей природы. Какъ бы ни противилась его дочь ему морально, — она „натурально“ не имѣетъ никакой поддержки, чтобы сопротивляться ему. И онъ твердо говоритъ: „Катерина будетъ моею“. Но чего еще онъ хочетъ? Тѣла той Катерины, земной, въ земныхъ условіяхъ и обстановкѣ: что-же такое „замокъ“ его и вся фантазмагорія? Такъ сказать — небесное основаніе земныхъ вещей. Чтобы достигнуть „земного совокупленія“, отецъ „волхвованіемъ“ своимъ достигаетъ этого звѣзднаго, астральнаго „совокупленія“... съ туманомъ, эфиромъ, кровью, „душою“: ну, какъ вы назовете и опредѣлите „душу“? Есть „душа“ и есть „воображеніе“: что такое „душа“ въ отношеніи „воображенія“ и обратно? Для „души“ уже мало границъ, а „воображеніе“ и совѣмъ ихъ не имѣетъ. Но свѣтъ — розовый: умъ Гоголя заключается въ томъ, что онъ не отдѣлилъ „душу“ отъ „крови“, и рассказалъ, что съ зовомъ „души“ позвана и явилась и „кровь“, какъ туманъ, что-ли? Вѣдь и кровь есть земная и звѣздная. Египтяне чертили въ храмахъ голубое небо, на немъ — золотыя звѣзды: но, противно тому, что показываетъ небо и зрѣніе неба глазомъ — они помѣстили внутрь каждой звѣздочки каплю крови. „Небеса — полно-кровны“. Вотъ мысль египтянъ, повторенная

Гоголемъ. Колдунъ, овладѣвъ душой Катерины — зажигаетъ въ крови ея нечистое желаніе къ себѣ.

— Катерина полюбитъ меня! Это — будетъ! — кричитъ онъ.

Трепетная душа дочери слишкомъ знаетъ, что это „будетъ“. „Кровь захочетъ“: а небесный туманъ крови уже задѣтъ.

Какъ?

Свѣты переливаются, съ страннымъ звономъ: — и „какъ жилы мрамора“ — нити отцовской природы уже вошли въ розовый свѣтъ дочери черной крови, въ голубой свѣтъ души ея. Отецъ уже „привился“ къ дочери: и ей совершенно нечего сдѣлать съ этою прививкою, она не можетъ ее выкинуть изъ себя, какъ и стволъ дерева не можетъ выкинуть тотъ „черенокъ“, который садовникъ врѣзалъ въ него. „Нужно покориться“... „Остается покориться“. И дочь стонетъ:

— Какой грѣхъ! О. мой любимый мужъ!..

Заповѣди морали — одно: но силы природы — совершенно другое, корни природы — совѣмъ иное! Какъ „черенокъ выкинуть изъ ствола“ словомъ? Невозможно! Зажжется „нечистый огонь“ въ крови, и воля ослабѣетъ, и человекъ „падетъ“. Такъ „ходитъ въ міръ грѣхъ“: и ничего человекъ такъ не пугается, ни даже рациональныхъ убійствъ, какъ этой иррациональной власти надъ собою „нечистой силы“. Можно думать, что народное выраженіе „нечистая сила“, равная „дьявольской силѣ“, имѣетъ древнюю форму свою другое выраженіе: „поганая сила“, подъ которымъ мы уже совершенно ясно въ силахъ разобрать народную мысль и вѣдѣніе: „фаллическая сила“. Прекрасная юная дѣвушка, воспитанная гдѣ-нибудь въ католическомъ монастырѣ и не выдавая совершенно никогда полного очерка мужнины, не знающая „мужскаго устройства“, — только что вернувшись къ родителямъ, черезъ годъ или меньше оставляетъ ихъ, оставляетъ охотно, чтобы навсегда остаться съ молодымъ человекомъ, въ котораго она „влюблена“... Ну, могла-бы жить у родителей и оставаться влюбленною. Но она переходитъ въ домъ мужа, уѣзжаетъ съ нимъ въ другой городъ, въ другую страну: неправда-ли, какое „околдованіе“, какое волшебство. — и, наконецъ, не скажемъ ли мы совершенно, что это — „нечистая сила“ въ ея громовомъ проявленіи! Разрываются всѣ самыя дорогія и святыя связи, священные связи, — подъ влеченіемъ „къ тому, чего никогда не видала“ дѣвушка. Развѣ это не чудо? Развѣ не мудренѣе, чѣмъ „замокъ колдуна“? Развѣ не скажемъ, что все это „въ небесахъ“ и „подъ землею“? И развѣ, наконецъ, гораздо ранѣе, чѣмъ осуществиться въ земныхъ условіяхъ, въ матеріальной обстановкѣ, кровь въ насъ не шумитъ странными шумами, и, расходясь волнами далеко отъ нашего земного „я“, — не входитъ струями свѣта въ далекія существа, или мы сами („пора любви“) захватываемся свѣтами чужихъ, далекихъ,

иногда очень далекихъ „я“—и садимся на пароходъ, ѣдемъ „въ Сибирь“, „въ Туркестанъ“ и возвращаемся домой съ „подругою юности своей“, захваченные ею за тысячи верстъ, и, въ сущности и глубже—захваченные уже до своего рожденія, именно „въ звѣздахъ“, въ „утробахъ матерей“, въ фаллическомъ сложеніи отцовъ, гдѣ все со всѣмъ переплетено, но переплетено не какъ хаосъ, а какъ гармонія, какъ нѣкая Пифагорейская „музыка сферъ“...

Однако, феномены и „чудеса“ любви, встрѣчъ и сближеній, романовъ и судебъ человѣка, — только верхушки и краевыя зорьки „магій“. Есть ея стволъ, есть ея корень. Магія, вообще вся, всемірная, — гнѣздится въ крови человѣка, съ ея терпкимъ запахомъ, который есть другая сторона сладкаго запаха пола. Человѣкъ безумѣетъ, приближаясь сюда: но если не испугается и овладѣетъ собою, если станетъ смотрѣть и узнавать, онъ становится „вѣдуномъ“, „вѣщунномъ“, знаніе его страшно расширяется и онъ пріобрѣтаетъ, необыкновенную власть надъ вещами. „Узналъ корень вещей“ и уже легко потрясаетъ вершинами деревьевъ; познакомился съ „дѣдушкой“ — и „внучата“ (раціональныя вещи) у него въ рукахъ. Это начинаетъ собою обширный кругъ „колдовскаго царства“, — кругъ „чаръ“, „очарованій“, „ворожбы“, „обольщеній“ и проч. и проч. Необъяснимыя вражды, какъ и необъяснимыя дружбы, ненавидѣніе и любви, когда, они безотчетны и неодолимы, — всѣ идутъ сюда, къ этому корню. Собственно, магиченъ весь кругъ земного существованія, всѣ предметы болѣе или менѣе магичны (какъ нѣтъ вещей безъ „электричества“, положительнаго или отрицательнаго), но лишь безъ нажима не очень явно; явно-же и осязательно начинается кругъ „магій“ тамъ, гдѣ мы входимъ въ кругъ вѣщихъ тайнъ крови. Изъ этихъ тайнъ одна, главная — родство. Родство — тайна. Родство — связь индивидуумовъ, вполне мистическая, вполне магическая, — между собою ничѣмъ осязательно, вещественно несоединенныхъ. Разорваны, но — тайно связаны, соединены. Родство расходится кругами, все „дальше“ и „дальше“. Слабѣетъ, умираетъ; „дальніе родственники“, „почти чужіе люди“. Есть универсальная необходимость, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ точкахъ родства „поворотныхъ круговъ“: гдѣ бы родство не охладилось, а вновь загоралось, дабы не остылъ весь міръ, не исчезло изъ міра родство, не умерла любовь. Эти поворотные круги и образуютъ случаи кровосмѣсительства. „Все дальше и дальше“ въ генерацияхъ, въ дальнѣйшихъ произрожденіяхъ, этотъ законъ гаснущаго родства вдругъ замѣняется обратнымъ: „нужно ближняго!“, „хочу ближняго!“ Малые круги, круги-капельки этого вездѣ донуды; у насъ вѣнчаются „въ пятой степени родства“. Кровь чуть-чуть останавливается въ законѣ „все дальше и дальше“. Но, кромѣ маленькихъ круговъ, — есть большіе. Какой-то всемірный

страхъ стоитъ передъ ними; особенно у христіанъ, въ циклѣ холодной крови, въ цивилизаціи исчезающаго родства. Но въ тайны этихъ поворотовъ, очевидно, проникли древніе маги, эпиграфомъ изъ сообщенія о которыхъ я началъ разборъ страницы у Гоголя. Кровь вообще фаллична, и родство, конечно, все фаллично и утробно; съ тѣмъ вмѣстѣ кровь священна и родство, по всемірному признанію (въ томъ числѣ и христіанъ), — свято. „Соединимъ родство и сѣмя, — что выйдетъ?“ вотъ загадка маговъ. Что, однако, могло выйти? Нужно углубиться въ смыслъ родства. Дѣйствительно, по всемірному признанію: родная кровь — священная кровь. Что-же совершается? Что совершалъ магъ-кровосмѣситель? Есть пахота земли въ Тульской губерніи, — раціональная, „наша“. „Все такъ обыкновенно“. „Нуженъ хлѣбъ и съемъ хлѣбъ“. Вотъ — обыкновенно размноженіе, „земное дѣло“. Магъ для той же цѣли какъ бы поднималъ плугомъ почву Палестины (родство — типично священо, всегда, у всѣхъ, вездѣ), — и клалъ зерно въ ея свягую землю. „Дальше что?“ „Что выйдетъ?“ Увеличеніе священства рожденія. У всѣхъ маговъ, рѣшительно, вездѣ въ странахъ допущеннаго роднаго брака, — замелькала мысль о нѣкоторомъ „сверхъ-естественномъ рожденіи“; „родится чудо“, „и человѣкъ и выше человѣка“. Мессіанская мысль, встрѣчаемая вездѣ на Востокѣ, вездѣ примыкаетъ именно къ пункту кровосмѣсительства, въ его большемъ кругѣ, даже наибольшемъ. „Отъ такого сочетанія можетъ родиться только чудо: дитя необыкновенныхъ способностей, не встрѣчающихся у другихъ даровъ, силъ необыкновенныхъ, разума небеснаго“. Родится „магъ уже въ колыбели“, который совершитъ „необыкновенное“. Идея мессіанства выпла изъ тайственныхъ „свѣтлицъ“ маговъ, — съ свѣтомъ, льющимся безъ источника, безъ „свѣчи и фонаря“: ибо свѣтоносна самая матерія здѣсь; изъ свѣтлицъ со „страшными рожами по стѣнамъ“, гдѣ „иконообразно“ и „богомольно“ была выражена вся природа, вся натура и ея корни. Здѣсь переливались свѣты розовые, голубые, золотые. Тянулись животворящія нити, — порхали души, зарождались тѣла; трепетали дочери, — но не всегда страхомъ, а, какъ говоритъ Ксанъ и передаетъ Климентъ Александрійскій, съ надеждою чуднаго рожденія, „по взаимному согласію“. И тихимъ звономъ сопровождалось воихвованія: это — музыка, которой гамма навсегда потеряна, и ее узнаетъ тотъ одинъ, который никому не расскажетъ услышаннаго. „Кто знаетъ, тотъ знаетъ: кто не узналъ, тому незачѣмъ знать“. Но капельки міровой тайны и доселѣ каплютъ на землю, въ глуши лѣсовъ, деревень и даже каменныхъ городовъ, гдѣ уже все раціонально, обыкновенно и не имѣетъ никакихъ испуговъ.